

Министерство образования Российской Федерации
Тобольский государственный педагогический институт
имени Д. И. Менделеева

ТОБОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК I

Тобольск, 1994

Министерство образования Российской Федерации
Тобольский государственный педагогический институт
имени Д. И. Менделеева

ТОБОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Сборник научных трудов

Часть I: АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Тобольск, 1994

ТОБОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК: Сборник научных трудов. Тобольск. 1994. Часть I. 93 с.

В сборнике помещены разнообразные по тематике статьи, посвященные проблемам экономической, социально-политической, культурной истории, археологии, этнологии. В работах отражены материалы исследований преподавателей и выпускников исторического факультета Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. Сборник посвящен 40-летию Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева и 15-летию исторического факультета.

Сборник предназначен для историков, археологов, этнологов, всех интересующихся проблемами всеобщей и отечественной истории.

Ответственный редактор - канд. истор. наук, доцент Мартынова Е. П.

Коллектив исторического факультета Тобольского государственного педагогического института выражает благодарность администрации г. Тобольска за предоставление финансовой помощи для опубликования этого сборника.

Рецензент:

кафедра социально-политической истории Тобольского пединститута.

БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (по материалам Нижней Конды).

Следы бронзолитейного производства широко распространены на археологических памятниках Нижней Конды и Иртыша. В культурном слое практически каждого поселения, расположенного в низовьях Конды (Чилимский микрорайон), обнаружены свидетельства металлургии - фрагменты ошлакованной керамики, керамических тиглей, литейные формы.

В жилище памятника Чилимка VIII (низовья Конды) на уровне 45 см от дневной поверхности был обнаружен фрагмент тигля (рис. 1-2). Его дно плоское, толщина стенки 1,2 - 1,5 см. Тигель сделан из очень запесоченной глины с большим количеством органики. В культурном слое обнаружен также фрагмент сосуда с ошлакованным венчиком. В жилище поселения Чилимка VII было найдено глиняное изделие типа льячки (рис. 1 - 3). Оно представляет собой «ковш» в форме параллелепипеда с плоским дном. Размеры его 4,7 x 2,7 x 1,8 - 2,7 см. Ручка, вероятно, была обломана. Стенки льячки тщательно обработаны, даже подшолены. Следов металла не обнаружено.

В жилище Чилимка I в предвходовой части найден очаг, который, по-видимому, можно связать с плавкой металла. Очажное пятно имело вытянутую овальную форму. Его заполнение составляли мелкие жженые косточки, песок насыщенного черного цвета с отдельными зеленоватыми вкраплениями бронзы. В этом же жилище были обнаружены ошлакованные фрагменты гребенчато-ямочной керамики.

Интересной находкой, обнаруженной в культурном слое поселения Чилимка VIII является глиняная литейная форма (рис. 1 - 1). Она состоит из двух створок и изготовлена из очень запесоченной глины с большим количеством органики, о чем свидетельствуют многочисленные поры и каверны на внешней и внутренней поверхности и в изломе. Цвет формы светлый серо-коричневый, в изломе - темный серо-коричневый. Створки формы имели овально подпрямоугольную форму с закругленными углами, размером 14 x 6-9 x 3,8 см (две створки). Толщина одной створки составляет 1,9 см. Форма использовалась для получения небольшого по размерам плоского изделия. По сохранившейся части рисунка

предполагаемая ширина его может составлять 4,5 см и длина 10-12 см (исходя из длины самой формы). Предмет, вероятно, представлял собой две узкие пластинки шириной 0,7 см, соединенные поперечно наклонными линиями, ширина которых равна 0,4 см. С одной из сторон фиксируется небольшой выступ «ушко». Вероятно, полученный в описываемой форме предмет оформлялся в так называемом скелетном стиле, который был широко распространен в эпоху раннего железного века.¹ Я не могу с уверенностью сказать, что было изображено на пластине. Судя по размерам и по наличию поперечных линий в центре изделия, это мог быть и наголовник (диадема),² и накладка, например, на ножны. Одно можно сказать с уверенностью, что уже в эпоху поздней бронзы отдельные элементы «скелетного» стиля, распространенного в усть-полуйском и кулайском искусстве были известны таежному населению Нижнего Прииртышья. Косвенным подтверждением этого может быть и тот факт, что изделие было вылито в двухсторонней жесткой глиняной форме, одна половина которой имела негативное изображение, вторая была плоской, что характеризует культовое кулайское литье раннего железного века.³

Для барсовской гребенчато-ямочной культуры эпохи поздней бронзы Сургутского Приобья также характерно бронзолитейное производство. В поселенческих комплексах обнаружены ошлакованные фрагменты керамики, имеется четырехгранное шило, согнутая в колечко пластинка из бронзы, абразив, использовавшийся для заточки металлических орудий⁴, обломки глиняных литейных форм.⁵

Материалы памятников атлымской культуры в Сургутском Приобье свидетельствуют о развитой металлургии - обнаружены многочисленные тигли, сплески, обломки литейных форм, капли бронзы. Тигли характеризуются ладьевидной формой, имеют слив на узком конце. Изготавливались они выдавливанием или соединением отдельно вылепленных бортиков и плоского дна.⁶

Таким образом, очевидно, в эпоху поздней бронзы население таежной зоны - носители различных культурных традиций (гребенчато-ямочной и атлымской) занимались производством бронзовых орудий. Причем, следует отметить, что большинство находок сделано непосредственно в жилищных комплексах. Считается, что в эпоху поздней бронзы появляются бронзолитейные мастерские при поселениях, где мастера обслуживали целую общину или группу общин.⁷ Вероятно, в глубинных таежных районах такой процесс еще не был завершен, не существовало особых специализированных металлургических центров, известных в эпоху развитой бронзы на юге Западной Сибири (Ростовка, Самусь IV). Каждая

семья обеспечивала себя металлическими орудиями самостоятельно. Тем более, что литейное производство, как показали эксперименты, вполне обходится, нетрудоемкая операция.⁸ Так, для плавки бронзы не требуется наличия специальных печей. При использовании костра типа «ноды» металл плавится при естественной тяге, без искусственного нагнетания воздуха.⁹ Вероятно, поэтому на памятниках не обнаружены какие-либо сооружения, свидетельствующие о применении особых печей для плавки металла (вполне возможно, они располагались за пределами жилищ). Но, в таком случае, почему ошлакованные фрагменты были обнаружены непосредственно в жилищах (?). Что касается трудоемкости этого процесса, оказалось, что неквалифицированные «литейщики» - археологи получили жидкий металл за 55 мин. При этом непосредственно плавка заняла 13-15 мин.¹⁰ В экспериментах применялся глиняный сосуд в качестве камеры для аккумуляции тепла. Он был ошлакован под венчиком, в месте наибольшей теплоконцентрации. Именно фрагменты ошлакованных верхних частей сосудов были обнаружены в культурном слое памятников (Чилимка I, VIII). Вполне вероятно, что они могли применяться подобным образом.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в комплексах позднего бронзового века таежной зоны мало встречается бронзовых орудий. По всей видимости, бронза в тайге довольно редкий металл, и все, даже лом, шло в переплавку. Вряд ли бронза в глубинной таежной зоне получила широкое распространение.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. С. 134-135. Полосьмак М. В., Шумакова Е. В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск. 1991. С. 9-12.
2. Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В. Очерки семантики... С. 18.
3. Дураков И. А., Троицкая Т. Н. О характере литья кулайских культовых изделий // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа. Омск. 1990. С. 6-18.
4. Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Поселение начала I тыс. до н. э. на Барсовой Горе // Древние поселения Урала и Сибири. Свердловск. 1984. С. 119.
5. Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск. 1989. С. 64.
6. Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Поселение начала I тыс. до н. э.... С. 120, 122, 127.
7. Тихонов С. С., Яшин В. Б. Социально-психологические факторы древнего металлического производства // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа. Омск. 1990. С. 15.
8. Глушков И. Г. Экспериментальное бронзолитейное производство // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа. Омск. 1990. С. 36-39.
9. Там же. С. 38.
10. Там же. С. 38.

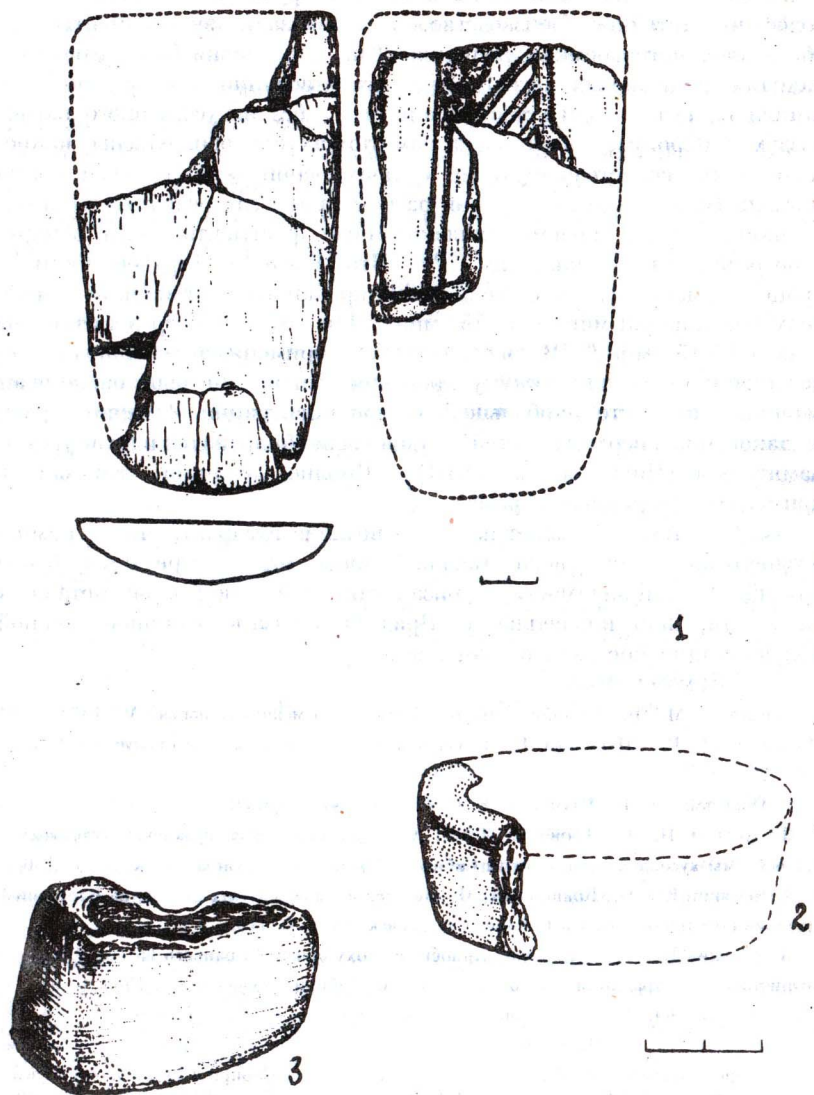
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОГНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Одним из наиболее сложных в андроповедении является вопрос о культурно-хронологическом соотношении алакульских и федоровских комплексов. При достаточно очевидном сходстве эти комплексы имеют и вполне определенные отличия в керамике и погребальном обряде, что не позволяет, с одной стороны, далеко разводить их в культурном отношении, а с другой, безоговорочно объединять в одну культуру. Сопоставление их затруднено наличием у федоровского населения двух различных способов захоронения умершего - кремации и ингумации. И если обряд трупоположения вполне убедительно сопоставим с алакульской погребальной традицией, то относительно обряда кремации существуют значительные сложности. Обряд сожжения является одной из основных характеристик федоровского комплекса, но известен он и в алакульской среде. Подробная характеристика многообразных следов использования огня в алакульских и федоровских погребальных комплексах и их сравнение между собой представляется необходимым этапом в ходе изучения вопроса о происхождении андроновского обряда трупосожжения.

В андроновских комплексах фиксируются различные следы использования огня в погребальном ритуале: от отдельных угольков, брошенных в могилу, до сложного обряда кремации умершего. Древнее кладбище - это прежде всего культовое место, где совершались различные действия, направленные на осуществление связи с Нижним и Верхним миром. Именно с этих позиций следует подходить и к различным следам деятельности, связанным с огнем.

Мотивы обращения к огню в процессе этой связи могли быть самыми разными - очищение души, способ отправки души в иной мир, передача туда пищи, вещей.¹ Выяснение этих мотивов является сложной и вполне самостоятельной темой исследования. Здесь же важно подчеркнуть, что археологически фиксируемые остатки ритуальной деятельности, связанные с огнем, были далеко не однозначны, преследовали различные цели, имели разных адресат. Поэтому при анализе материала необходимо учитывать не только характер остатков, но и в какой части памятника, погребального сооружения и в каком контексте они были обнаружены.

Одной из наиболее важных представляется градация находок по их

1. Лигейная форма. Поселение Чилимка VII.
2. Фрагмент керамического тигра. Поселение Чилимка VIII.
3. Керамическая «лячка». Поселение Чилимка VII.

Рис. 1. Предметы бронзолитейного производства.

местонахождению. Можно выделить три основных варианта: 1 - внутри погребальной камеры или рядом с ней, 2 - в насыпи кургана, оградке, 3 - в специальных культовых сооружениях. Выделенные варианты можно рассматривать также как различные временные фазы погребального обряда. Первый связан с использованием огня в момент придания умершего земле (очищение, средство перемещения в иной мир), второй - с тризной и поминками. Последний вариант наиболее сложен для понимания. Такие сооружения, как правило, не имеют прямых соответствий в погребальном обряде данной группы населения, поэтому их достаточно сложно связывать именно с погребальной традицией. Наиболее вероятным представляется их соотнесение со всем комплексом переходных обрядов, в основе которых лежит представление о смерти, как необходимом условии продолжения жизни.

Здесь рассматривается только первый вариант, а именно, следы огня, фиксируемые внутри погребальной камеры или рядом с ней. Среди них можно выделить две основных разновидности: А - следы ритуальных действий не связаны с сожжением умершего, Б - связаны с полным или частичным сожжением трупа как непосредственно в могиле, так и на стороне с последующим помещением остатков кремации в могилу.

1. Алакульский комплекс.

А. Характеристика следов ритуальной деятельности с огнем, не связанных с сожжением умершего.

Засыпка останков умершего остатками погребального костра. Наиболее отчетливо прослеживалась в оградке 6 могильника Атакен-Сай. Здесь выявлен достаточно сложный погребальный ритуал. Захоронение ярусное. Верхнее погребение содержало захоронение двух умерших в сидячем положении на коленях друг друга. Нижнее - захоронение женщины в обычном для алакульского обряда положении - скорченно, на левом боку, головой на З, сопровождавшееся богатым набором украшений. У всех костяков отсутствовали черепа, все погребенные были засыпаны светлым мягким суглинком с большим количеством мелких угольков и комочков реальгара.

В могильниках Ефимовка (могила С) в Северном Казахстане и Пятимары (курган 3) в Западном Казахстане угольки обнаружены среди костей погребенных.² В могильнике Алеп-Аул (курган 5), в Центральном

Казахстане зола почти сплошным слоем проходила вдоль восточной стенки, а в насыпи могилы содержалась значительная примесь золы и угля, на дне - парное захоронение мужчины и женщины по обряду труположения.³ В могильнике Субботино (могила 2, курган 4) на дне могилы в центре фиксировались углистые пятна, а в заполнении - скопления мелких угольков и отдельные куски угля, захоронение также совершено по обряду труположения.⁴

Не исключено, что находки следов огня на дне могил также могут быть остатками подобного вида ритуальной деятельности. В могильнике Куропаткино II (могила 2, курган 6) в Северном Казахстане на полу камеры расчищено пятно золы и мелких угольков диаметром 30 см,⁵ Угольки на дне встречены в могиле 3 (курган 9) могильника Черняки I.⁶ В могильниках Черняки II (центральное погребение курган 2) и Чистолёбяжье (могила 2, курган 6) на дне обнаружены пятна охры.⁷

Разведение огня или помещение его атрибутов над погребенными или в верхней части погребальной камеры. В могильнике Ермак IV (могила 60) на глубине 80-85 см от уровня материка прослеживалась углистая прослойка, покрывающая основную часть могильной ямы, а на глубине 90-95 см обнаружены два пятна, отдельные скопления обожженной глины. Захоронение совершено по обряду труположения.⁸

В могильнике Субботино (могила I, курган 2) на глубине 100 см обнаружено два пятна с мелкими кусочками красной краски и угольками по краям. На этом уровне встречались скопления угля в северо-западном углу, в центре, у северной стенки. Захоронение совершено по способу труположения.⁹

Следы прокала над могильным пятном фиксировались в могилах 12, 17 могильника Ермак-IV и 25 могильника Миасс II.¹⁰

В могильниках Алакуль (могила 19, курган 3), Чистолёбяжье (могила I, курган 3), Раскатиха (могила I, раскоп IV), Ермак-IV (могила I) следы огня встречены на перекрытии или на обкладке могилы.¹¹

Разведение огня или помещение его атрибутов в ногах погребенных. В могильнике Ново-Аккермановка (могила I) у коленного сустава умершего обнаружено скопление угольков и перегоревшей растительности - камыша или травы.¹²

В могильнике Чистолёбяжье (могила I А, курган 3) в детском погребении находилось охристое пятно в области стоп ребенка.¹³

В могильнике Алакуль (могила 2, курган 3) в ногах погребенного находился сосуд, перевернутый вверх дном. Под сосудом, оказавшимся пустым,

найдена кучка волокон в виде пепла как от сожженной травы. В другом погребении этого могильника (могила I, курган 8), к западу от предполагаемого нахождения костей ног погребенного, стоял вверх дном небольшой сосудик, наполненный красной краской.¹⁴

Достаточно сложный ритуал прослежен в могильнике Ермак-IV (могила II). В юго-западной половине был обнаружен костяк умершего, захороненный в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. В северо-восточной половине, которая оставалась свободной, в ногах погребенного было вырыто небольшое углубление неправильной формы размером 25 x 35 см, глубиной 5 см, где был разведен костер. На дне ямки обнаружены горелые стебли растений, а выше шел прокаленный суглинок. Вокруг кострища на дне фиксировались угольки, зола. Огонь был достаточно сильный, так что верхняя часть костей левой ноги обгорела, а от правой и таза сохранились только сильно обгоревшие костяные отщепы, которые встречались по всему дну ямы и в ее заполнении. Другой костер был разведен за спиной умершего, у юго-восточной стенки, где прослежен тонкий слой горелых растений, положенных аккуратной связкой вдоль могилы. У северо-западной стенки обнаружены горелые фрагменты дерева, вероятно, от обкладки. Судя по сохранившимся украшениям, в могиле захоронена женщина.¹⁵

Подобный ритуал зафиксирован также в срубно-алакульских могильниках Новобелогорка и Погромное в Оренбургской области. В могиле 20 (курган 2) могильника Новобелогорка у колен мужчины, захороненного скорченно на левом боку головой на В, находилась кучка золы.¹⁶ В могиле кургана 5 могильника Погромное небольшой уголек обнаружен возле тазовых костей погребенного.¹⁷

Разведение огня или прощание его атрибутов рядом с сосудами. В могильнике Новоаккермановка (могила I) угольки найдены у дна одного из сосудов, находящегося в головах погребенного.¹⁸ В могильнике Ботакара (ограда 13) уголь обнаружен у западной стенки, рядом с горшком.¹⁹ В могильнике Бийликуль (могила I) под сосудами прослеживалось темно-серое зольное пятно.²⁰

Следы огня в заполнении могилы. На памятниках Алакуль (могила 15, 18, курган 13), Субботино (могила 10, курган 18), Раскатиха (могила II, раскоп IV), Миасс I (могила 57), Черняки II (могила I, курган 2), Ермак IV (могила 59), тасты-Бутак I (могила 2, ограда 6), Атакен-Сай (ограда 8), Жаман-Узен II (ограда 3) куски обожженной глины, комочки прокаленного суглинка обнаружены в заполнении могилы.²¹ В некоторых случаях угольки размещались рядом с костями животных (Ермак-IV, Суббо-

тино). В целом, подобные находки являются недостаточно значимыми свидетельствами наличия ритуальных действий с огнем, так как не исключено случайное попадание их в засыпь могилы.

Б. Характеристика обряда сожжения.

В алакульских комплексах зафиксированы две разновидности сожжения умершего: сожжение на месте, внутри погребальной камеры, и сожжение на стороне, с последующим помещением кремированных останков в могилу. Рассмотрим каждый из них.

Сожжение на месте встречается крайне редко. Подобный ритуал зафиксирован в могильниках Раскатиха, Ермак-IV, Альпыкаш.

В могильнике Ермак-IV (могила 7) яма крупных размеров - 220 x 120 x 65 см была ориентирована по линии СЗ-ЮВ, что не характерно для андроновского населения. Захоронение ярусное. На дне могилы находилось погребение взрослого человека, ориентированного головой на ЮВ. Деревянная обкладка и перекрытие имели следы сильного воздействия огня, свидетельствующие о том, что конструкция была подожжена с торцовых сторон. Мощность прокала у юго-восточной стенки достигала 10 см. Огонь затронул те части скелета, которые непосредственно соприкасались с обкладкой и перекрытием. Значительно обгорели череп и кости рук погребенного, тогда как кости, находившиеся в средней части ямы, не имеют следов воздействия огня. На дне, у юго-восточной стенки, найден бронзовый нож, не подвергшийся действию огня. Нижнее погребение было засыпано землей, а сверху положен целый костяк овцы - на животе, с подогнутыми ногами, головой на ЮВ (глубина 50 см). Верхнее погребение находилось на глубине 10 см от поверхности материка, занимало юго-восточную половину ямы, северо-западная часть была пуста. Умерший захоронен на левом боку головой на СЗ в сильно скорченном положении, предполагающем предварительное связывание. Рядом с ним найдены кости крупного рогатого скота - два черепа и обломки берцовых и бедренных костей. Один череп находился возле головы погребенного, другой - возле его тазовых костей. Под ребрами костяка лежала нижняя челюсть лошади.

Остеологический анализ костей показал, что для совершения ритуала в жертву было принесено не менее трех особей крупного рогатого скота. Об одновременности этих захоронений свидетельствует тот факт, что кости крупного скота встречались на всех уровнях могильной ямы, а рядом с костяком овцы в юго-восточной части погребения найдены две

тазовые кости этих животных. Вероятно, верхнее погребение имело подчиненное положение, о чем свидетельствует сильная скорченность костяка, его ориентация в противоположную сторону и захоронение вместе с костями животных. Основным было нижнее погребение, где умерший подвергся частичному сожжению, что также могло подчеркивать его особый статус. Все кости животных помещены в могилу уже после того, как костер прогорел, так как следов огня на них не прослежено.²²

В целом, могила 7 отчетливо выделяется своим неординарным характером среди основной массы погребений этого могильника. Высокий статус погребенного неоднократно подчеркнут различными деталями ритуала - обособленным положением на кладбище, большими размерами ямы, нетрадиционной ее ориентацией, ярусностью, большим количеством скота, принесенным в жертву, а возможно и человеческой жертвой. В этом же списке черт, характеризующих особое положение умершего, следует назвать и ритуал неполного сожжения.

Обряд трупосожжения в самой могиле зафиксирован и в могильнике Раскатиха.²³ Погребение I (раскоп I) имело могильную яму крупных размеров 205 x 200 x 30 см. Яма ориентирована по линии С-Ю. На дне вдоль восточной и северной стенок расчищены обугленные бревна толщиной 0,15-0,18 м, вокруг которых прослежены пятна прокаленного песка, насыщенные углями. У западной стенки дерево не сохранилось, но прослежена углистая полоса шириной 0,15-0,18 м. В юго-восточном углу обнаружена грудка жженных костей, под которыми находилась плотная и липкая углистая масса. Песок вокруг костей был прокален и насыщен углями. Над грудой костей лежал на боку раздавленный сосуд, другой находился у восточной стенки под обугленными бревнами. Сосуд расколот и сильно обожжен, часть фрагментов разбросана по дну ямы. У северной стенки обнаружены кости ног и тазовая кость крупного животного. Кости не имеют следов воздействия огня. Т. М. Потемкина предполагает, что умерший был сожжен прямо в могиле с одним сосудом, после чего его останки сгребли в юго-восточный угол, сверху на обгоревшие кости был поставлен второй сосуд, а в другом конце могилы помещен кусок мяса (задняя часть крупного животного). Затем все было засыпано землей, рядом с могилой поставлено пять сосудов, вероятно, с пищей.

В данном случае особое положение умершего также подчеркнуто целым комплексом неординарных черт, как то: обособленное положение на кладбище, крупные размеры ямы, подквадратная форма могилы, ориентация С-Ю, сожжение в могиле, обильная заупокойная пища - семь сосудов и задняя часть крупного животного.

Таким образом, в тех случаях, когда имел место обряд сожжения в могиле, он отпоялся к людям, наделенным особым статусом, что подтверждается другими деталями погребального ритуала и, прежде всего, обилием, сопровождающей пищи.

Обряд трупосожжения в могиле, зафиксированный в алакульских комплексах, существенно отличается от федоровского. Составной частью ритуала сожжения на месте является помещение умершего в могилу и, следовательно, соблюдение обрядовых предписаний и норм, характерных и для ритуала трупоположения.

Сожжение на стороне. В алакульских памятниках известны и сожжения на стороне, с последующим помещением остатков кремации в могилу, сопоставимые с федоровским обрядом.

В могильнике Ермак-IV зафиксировано два таких случая. В могиле 85 яма не прослеживается. На уровне материка обнаружено небольшое скопление кальцинированных костей площадью 40 x 25 см толщиной около 5 см.²⁴ Данный ритуал отличается от федоровского, для которого характерно помещение остатков кремации в могилу в сопровождении сосудов и заупокойной пищи. Ближайшую аналогию обряду из могилы 85 составляет погребение I кургана 38 кротовского могильника Сопка II, где остатки кремации были положены компактной кучкой на уровне материка без какого-либо сопровождающего инвентаря.²⁵

Другое захоронение по обряду трупосожжения происходит из могилы 92.²⁶ Могила содержала захоронение на трех уровнях, совершенных как по способу сожжения, так и трупоположения. Размеры ямы 175 x 125 x 50 см, ориентирована З-В. Верхнее погребение I находилось на глубине 35 см от уровня материка, взрослый был захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на З. В головах - два сосуда и просверленная раковина. При погребенном положен слиток бронзы, а также две бронзовые подвески в 1,5 оборота, просверленные раковины. Погребение 2 находилось на глубине 40 см и размещалось вдоль восточной стенки ямы. Оно принадлежало ребенку, сохранилась лишь верхняя часть его скелета, позволяющая говорить, что он был положен на левом боку, головой на С. Недостающие кости таза и ног находились в беспорядке за спиной костяка из погребения I. Вероятно, погребение 2 нарушено в результате совершения погребения I. Остатки кальцинированных костей прослежены под костями рук, под ребрами взрослого костяка и на черепе ребенка. Это позволяет установить, что остатки трупосожжения (погребение 4) были помещены в могилу после захоронения ребенка (погребение 2), но раньше захоронения взрослого (погребение 1). Погребение 3

находилось на дне могилы, в специальном углублении в южной части ямы размером 105 x 50 см. Здесь обнаружено два детских костяка в сильно скорченном положении, частично перекрывающих друг друга и ориентированных головой на З. В головах каждого - сосуд. Костяк А, принадлежащий младшему по возрасту, положен на правый бок, костяк Б - на левый. В этой могиле основным, вероятно, было погребение I, где захоронен взрослый, тогда как детские и погребение с сожжением играли подчиненную роль.

На территории Центрального Казахстана получил распространение обряд неполной кремации умершего. В могильнике у колхоза имени 20-летия Казахстана (могила I, ограда 2) в заполнении могилы встречены отдельные кости человека, среди них несколько кальцинированных. Исследователи интерпретируют эти находки как неполное сожжение.²⁷ В могильнике Бегазы в ограде II обнаружено два спаренных ящика, в северном захоронена женщина, отдельные кости скелета которой сохранили следы огня. Среди костей - обломок бронзовой пронизки и несколько пастовых бусин и пронизок. В южном ящике захоронение совершено по обряду труположения - на левом боку головой на З, в северо-западном углу - бронзовая серьга, обтянутая листовым золотом.²⁸

В ограде I могильника Айшрак также находилось два спаренных ящика. Южный полностью ограблен, а в северном обнаружены мелкие обломки костей человека со следами сожжения и угольки. В юго-западном углу - обломки двух сосудов.²⁹

В ограде 73 могильника Ельшибек обнаружено пять каменных ящиков; два из них с остатками неполного сожжения. В ящике 4 в заполнении встречались кости человека, некоторые - со следами огня. В юго-западной половине найдены украшения - бронзовая бусина биконической формы, костяная трехгранная пронизка с резным орнаментом, спекшиеся бронзовые пластинки. В могиле встречены фрагменты обожженного горшка. Ящик 5 содержал неполное сожжение, его инвентарь составили бронзовые и аргиллитовые бусы, фрагменты сосудов.³⁰

Обряд трупосожжения на стороне, зафиксированный в алакульских погребениях Центрального Казахстана, имеет определенные соответствия с федоровским на этой территории. Погребальный инвентарь представлен не только сосудами, но и украшениями, не подвергшимися действию огня. Наличие бронзовых украшений в погребениях с сожжением является отличительной чертой федоровского ритуала на территории Казахстана и не характерно для федоровцев Южного Зауралья. Известны в федоровских

комплексах Центрального Казахстана и неполные сожжения, например, Сангру II.³¹

Погребения, содержащие остатки кремации на стороне, по другим деталям обряда не выделяются среди основной массы алакульских погребений. Они встречаются как в многомогильных, так и в одномогильных сооружениях, причем в многомогильных нередко располагаются на периферии (Ельшибек), сопровождающий инвентарь, в полном соответствии с алакульской традицией, представлен сосудами и украшениями.

Несмотря на определенные параллели с алакульским ритуалом, сам обряд труположения на стороне с последующим захоронением остатков кремации в могиле сложно вывести из собственно алакульской погребальной традиции, связанной с использованием огня.

2. Федоровский восточный комплекс.

В федоровских памятниках следы ритуальной деятельности, связанные с использованием огня, достаточно многочисленны. Прежде всего это обусловлено широким распространением в среде федоровского населения ритуала сожжения умершего на стороне. Вместе с тем, в федоровских погребениях имеются разнообразные следы использования огня или его атрибутов, не связанные непосредственно с кремацией, причем они различаются в западных и восточных районах. Напомним, что к восточной федоровской группе нам отнесены памятники Казахстана и Западной Сибири, включая Минусинскую котловину.

А. Характеристика следов ритуальной деятельности с огнем, не связанных с сожжением умершего.

В Восточном Федоровском комплексе оба способа захоронения умершего - кремация и ингумация выступают, по существу, как равноправные. Следы использования огня, не связанные с сожжением умершего, встречаются как в погребениях с сожжением, так и с труположением, но проявляются по-разному.

В погребениях с труположением следы использования огня в ритуале имеют значительное сходство с алакулем.

Разведение огня или помещение его атрибутов в верхней части погребальной камеры. В могильнике Бурлук (могила 3, ограда 13) на очертаниях ямы выявлены сильные следы прокала.³² В Еловском II могильнике (могила 22, курган 32) до того, как открылся костяк, прослеживались остатки большого костра, разведенного на перекрытии из бревен.³³ В могильнике Орак (курган 45 на каменном перекрытии найдены уголь, кости животных и фрагменты сосудов).³⁴

Разведение огня или помещение его атрибутов на дне могилы. В могильнике Андроново (могила I) кусочки угля, золы обнаружены на дне могилы.³⁵ В Еловеком II могильнике (могила 96) у черепа ребенка найдено четыре небольших красных камня.³⁶

Размещение различных имитаций огня рядом с сосудами. В могильнике Жиланды (оградка 4) в северо-западном углу могилы выявлено зольное пятно размером 0,3 x 0,3 м, здесь же зафиксированы обломки пяти горшков.³⁷

Следы огня в заполнении могильной ямы. В могильниках Дындыбай (курган 8), Акмола (могила 1, 2, курган 15), Канай (могила 14, 20), Кызылтас (могила А, Б, В, оградка 31), Еловский II (могила 1, 2, курган 15) и др. в заполнении могилы обнаружены угольки, что является наиболее частой находкой.³⁸ В Еловском II могильнике в могилах 7, 11, 72 встречены кусочки обожженной глины,³⁹ как отмечалось выше, подобные находки не всегда являлись результатом ритуальной деятельности, не исключена случайность их попадания в могилу.

В погребениях с сожжением наибольшее распространение получили такие формы ритуала, как посыпание кремированных останков охрой или остатками погребального костра и разведение огня в верхней части могилы.

Засыпка кремированных останков охрой или остатками погребального костра. В оградке В могильника Сангру II западная половина ящика была посыпана слоем красной краски попеременно с полусожженными костями погребенного. У западной стенки находилось три сосуда, два бронзовых височных кольца с раструбом и два браслета с длинными спирально-коническими навершиями, по три на каждом браслете.⁴⁰ В кургане 10 могильника Котанэмель на дне ящика находилась кучка сожженных костей пересыпанных охрой, и обломки сосуда без орнамента.⁴¹

Подобный ритуал зафиксирован в трех погребениях могильника Тау-Тары.⁴² В оградке 3 в погребении в кальцинированных костях обнаружены следы красной краски. В оградке 10 по всему дну могильной ямы были разбросаны кальцинированные кости человека и кусочки красной охры. Среди жженых костей найдены бронзовые бусы. Другие украшения находились рядом с сосудами в одном из них. А. Г. Максимова считает, что первоначально вещи лежали на каком-то перекрытии сосуда, которое не сохранилось и поэтому они оказались внутри сосуда. В оградке 25 следы красной краски прослежены в центре ямы. Обращает на себя внимание тот факт, что захоронения в могильниках Сангру II и Тау-Тары (оградка 10) являются наиболее богатыми среди остальных погребений этих памятников.

В могильнике Биырек-коль кремированные останки были засыпаны пережженной землей и остатками костра (могила 1, 6, ограда 23). А. М. Оразбаев считает, что покойников сжигали недалеко от могилы, после сожжения кремированные останки складывали в могилу и засыпали остатками костра.⁴³

Разведение огня в верхней части могилы. В могильнике Боровое в длинной коридорообразной оградке 14 в нескольких могилах прослежены остатки костра в верхней части заполнения.⁴⁴ В могиле Г остатки большого костра находились на половине глубины ямы, в северо-восточной части. В могиле Д - на уровне погребенной почвы, также в северо-восточной части. В могиле Е на половине глубины по всей площади фиксировался сплошной слой углей, толщиной 8-10 см, обожженной глины и камней. На дне, у западной стенки, между сосудами, стоящими по углам ямы, шел мощный слой угля. В этом же могильнике, в двух погребениях с сожжением найдены сгоревшие деревянные конструкции внутримогильного сооружения. В могиле из оградки 46 на глубине 40 см обнаружены обугленные остатки деревянного сооружения из столбиков, поставленных у длинных стенок.⁴⁵ В могиле I оградки II у северо-западной стенки находились крупные куски угля длиной 10-15 см и шириной 6-9 см.⁴⁶

Своеобразный ритуал зафиксирован в Гандическом могильнике, где в трех погребениях с сожжением стенки ям и дно были прокалены на 0,5 см.⁴⁷

«Кенотафы» или погребения со следами огня, в которых кости человека не обнаружены, составляют особую группу, требующую самостоятельного рассмотрения.

В могильнике Бурлук (оградка 14) на глубине 80 см зафиксировано обугленное двухслойное перекрытие, на глубине 100 см - скопления углей и следы прокала, на дне - два сосуда и два ребра крупного животного.⁴⁸ В могильнике Нижняя Суетка на дне могилы 7 обнаружен сосуд, два небольших уголька в южном и два небольших камешка в северном углу.⁴⁹ В оградке 6 могильника Боровое останков человека в могиле не обнаружено, на дне в юго-западном углу стоял сосуд, а в центральной части кусочек древесного угля.⁵⁰ В могиле 5 оградки 23 могильника Биырек-коль заполнение от поверхности до дна состояло из пережженной земли.⁵¹ Следы огня в таких погребениях могли символизировать обряд сожжения.

Б. Характеристика обряда сожжения.

Значительные различия в обряде сожжения у западных и восточных

Федоровцев позволяют выделить два основных варианта - западный и восточный.

Для восточного варианта обряда сожжения характерны:

- биритуальность погребельного обряда и сочетание обоих видов захоронения в рамках одного могильника, оградки, могилы;
- наличие достаточно сложных внутримогильных конструкций, сложенных из камня цистовой кладкой, в отдельных случаях с напуском к центру и скрепленных глиняным раствором;
- наличие в могилах иных проявлений ритуальной деятельности, связанных с использованием огня;
- среди погребального инвентаря преобладают сосуды, которые, вероятно, содержали напутственную пищу;
- одной из основных категорий металлического инвентаря являются украшения, не подвергшиеся действию огня;
- находки оружия (орудий труда) крайне редки;
- отсутствуют подчетырехугольные блюда;
- сравнительно широко распространены сосуды на поддоне;
- кости животных встречаются как в оградках, на уровне погребенной почвы, - в качестве тризны, так и внутри могилы - как напутственная пища;
- остатки тризны представлены черепами и костями ног лошади, реже мелкого или крупного рогатого скота;
- остатки напутственной пищи помещались на дне могилы, рядом с сосудом или внутри него, и принадлежали, в основном, крупному рогатому скоту;
- преобладающим видом надмогильных сооружений являются оградки, содержащие одну-две могилы;
- известны специфические виды оградок - длинные коридоры, содержащие пять-семь могильных ям, расположенных в один ряд, параллельно друг другу. На юге такие оградки имеют поперечные перегородки, так что в каждой секции находится по одной могиле;
- распространены сложные концентрические оградки из двух-трех колец или прямоугольников, вписанных друг в друга;
- способы сооружения оградок различны - из вертикально вкопанных плит, цистовой кладкой, иногда с напуском к центру;
- встречаются сосуды как с плавным профилем, так и с уступчатым плечом;
- в орнаментации керамики широко распространены сложные ковровые узоры;
- на юге широкое распространение получает посуда без орнамента.

Характеризуя восточно-федоровскую традицию использования огня в погребальном ритуале следует выделить следующие моменты.

Восточный федоровский комплекс обнаруживает значительное сходство с алакульским по следам ритуальной деятельности с огнем, не связанным с сожжением умершего.

Погребения с сожжением восточной группы Федоровцев по всем другим деталям обряда ничем не выделяются среди основной массы погребений с труположением этой группы, а последние, в свою очередь, достаточно убедительно наследуют алакульские погребальные традиции.

3. Федоровский западный комплекс.

А. Характеристика следов ритуальной деятельности с огнем, не связанных с сожжением умершего.

В федоровском западном комплексе ритуал сожжения на стороне по существу, является единственным способом захоронения умершего. Поэтому выделение каких-либо иных проявлений ритуальной деятельности с огнем, не связанных с сожжением, представляет значительную трудность. Находки угольков, золы, в заполнении и на дне могилы, отдельные прокалы на дне могли быть следствием помещения в могилу кремированных останков.

Среди бесспорных свидетельств использования огня в погребальном ритуале можно, на данный момент, назвать одно - погребение в кургане 2 могильника Приплодный Лог 1.⁵² Могильная яма имела перекрытие из обгоревших бревен, концы которых лежали на погребенной почве, а средняя часть фиксировалась в заполнении ямы. Вокруг погребальной камеры и внутри нее обнаружены мощные слои прокала и угля. Дерево обкладки подверглось действию огня меньше, чем перекрытие. На дне ямы, в южной половине, найдены кальцинированные кости, а в юго-западном углу - два ребра лошади.

Имеются отдельные свидетельства использования охры, мела в погребальном обряде западных Федоровцев. В могильнике Смолин, в заполнении могилы из кургана 12 встречены куски желтой охры и твердой белой глины со свойствами красящего вещества, а у южной границы могилы из кургана 13 отмечены следы огня.⁵³ В могиле II Федоровского могильника на дне, рядом с пережженными костями, найден кусочек мела.⁵⁴

В. Характеристика обряда сожжения.

Для западного Федоровского комплекса характерны следующие черты:

- почти полное и безраздельное господство обряда кремации;

- захоронение в ямах больших размеров;
- мощный деревянный накат в качестве перекрытия;
- отсутствие в могиле каких-либо иных проявлений культа огня;
- отсутствие какого-либо иного инвентаря, кроме посуды;
- единичные находки изделий из металла представлены оружием или орудиями труда;
- отсутствие украшений в погребении;
- находки в погребениях одного-двух экземпляров подчетыреугольных блюдов;
- помещение жертвенных кусков мяса на дно могилы;
- определенный состав костей животных от жертвенных кусков мяса - ребра, лопатки, тазовые;
- кости животных принадлежат, в основном, лошади, реже крупному рогатому скоту или мелкому;
- широкое распространение одномогильных конструкций;
- число могил в многомогильных сооружениях обычно не превышает пяти;
- расположение могил под насыпью в ряд, параллельно друг другу;
- разнообразные способы кладки оград - вертикально вкопанные плиты, простая цистовая кладка и цистовая с напуском к центру;
- наличие специальных культовых сооружений, связанных с огнем;
- преобладание сосудов с плавной профилировкой стенок;
- сложные ковровые узоры, выполненные медкозубым штампом;
- находки в могилах посуды, имеющей аналогии с черкаскульских и предбегазинских памятниках.

Западный федоровский комплекс почти не имеет сходства не только с предшествующей алакульской традицией, но и с восточной федоровской. Какие-либо иные следы использования огня, за исключением самого обряда кремации, для этого населения не характерны. Погребальный обряд по всем основным чертам отличается от восточного варианта обряда сожжения. Отдельные черты сходства федоровских памятников двух вариантов - кремация, наличие сосудов со сложной орнаментацией, сложные способы кладки погребальных конструкций свидетельствуют, прежде всего, о синхронности этих вариантов на определенном этапе развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 219-226.
2. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР. 1958. Т. 5. С. 263-264; Андроновская культура // САИ. 1966. Вып. В 3-2. С. 46.
3. Рыков П. С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы на новостройках. М.; Л., 1935. Вып. П. С. 57.

4. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. С. 236.
5. Бухонина Т. А. 1984. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 48.
6. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 151.
7. Андроновская культура, с. 21; Могильников В. А. Отчет о полевых исследованиях Сибирско-Азиатской экспедиции в 1979 году // АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 8284. С. 63, 76.
8. Сотникова С. В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1986 году // АИА РАН. Ф. Р-1. С. 18.
9. Потемкина Т. М. Бронзовый век. С. 244.
10. Генинг В. Ф., Морев Е. И., Чемлякин В. П. Отчет о раскопках Миасского I могильника в 1969 году // АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 3494; Сотникова С. В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1985 году // АИА РАН. Ф. Р-1. С. 7, 9.
11. Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 60; Могильников В. А. Отчет о полевых исследованиях. С. 82; Потемкина Т. М. Бронзовый век. С. 226; Сотникова С. В. Отчет о разведке левого берега р. Иртыш в Нововаршавском и Таврическом районах Омской области // АИА РАН. Ф. Р-1. С. 1-2.
12. Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // МИА. 1940. N 1. С. 71.
13. Могильников В. А. Отчет о полевых..., с. 65.
14. Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль, с. 53, 57.
15. Сотникова С. В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1985 году, с. 6.
16. Федорова-Давыдова Э. А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Уфа. 1964. Вып. 2. С. 89-90.
17. Сальников К. В. Хвалыско-андроновские курганы у с. Погромного // СА. 1950. Т. ХШ. С. 317.
18. Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы..., с. 71.
19. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 89.
20. Мотов Ю. Л., Карабаспакова К. М. Могильник Бийликуль - памятник ранней бронзы Южного Казахстана // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 152-153.
21. Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль, с. 60; Потемкина Т. М. Бронзовый век..., с. 219; Генинг В. Ф. и др. Отчет о раскопках..., Стоколос В. С. Отчет по археологической экспедиции Челябинского областного краеведческого музея в районе сооружения Верхнеуральского водохранилища // АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 2336. С. 16; Сотникова С. В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV... в 1986 году, с. 18; Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. N 120. С. 14; Кузьмина Е. Е. Отчет об археологических работах в Оренбургской области в 1959 году // АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1938 а. С. 58; Аванесова Н. А. Хаман-Узен II - атасуский могильник Центрального Казахстана // КСИА. 1975. N 142. С. 112.
22. Сотникова С. В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV... в 1985 году, с. 4.
23. Потемкина Т. М. Бронзовый век..., с. 226.
24. Сотникова С. В. Отчет о раскопках могильника Ермак IV... в 1986 году, с. 34.
25. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985, с. 81.
26. Сотникова С. В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV... в 1986 году, с. 24.
27. Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1959. Т. УП. С. 38.

28. Маргулан А. Х. и др. Древняя культура..., с. 132.
29. Там же. С. 92.
30. Там же. С. 138, 140.
31. Там же. С. 100-102.
32. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахских степей. Свердловск, 1988. С. 89.
33. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья.
- Ч. 3. Андроновская культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. II. С. 84.
34. Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее, 1978. С. 11.
35. Там же. С. 9.
36. Матющенко В. И. Древняя история..., с. 104.
37. Кадырбаев М. К. Могильник Жиланды на р. Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 31.
38. Рыков. П. С. Работы в совхозе «Гигант»..., с. 49; Кадырбаев М. К. Акмола - памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 94-96; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. N 88. С. 34-35; Арсланова Ф. Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 119-121; Матющенко В. И. Древняя история..., с. 88-89.
39. Матющенко В. И. Древняя история..., С. 78.
40. Маргулан А. Х. и др. Древняя культура..., С. 102.
41. Кадырбаев М. К., Археологические раскопки в Северном Прибалхашье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 116.
42. Максимова А. Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1962. Т. XIV. С. 41-43. Прил. 2.
43. Оразбаев А. М. Северный Казахстан... С. 245-246.
44. Там же. С. 224-225, 227-229.
45. Там же. С. 227.
46. Там же. С. 229.
47. Сидоров Е. А. Раскопки в Убинском и Карагатском районах Новосибирской области // АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 6017. С. 2-3.
48. Зданович Г. Б. Бронзовый век..., С. 91.
49. Уманский А. П. Отчет о работе археологической экспедиции Барнаульского госпединститута и Алтайского краеведческого музея // АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 2944. С. 10.
50. Оразбаев А. М. Северный Казахстан..., С. 234.
51. Там же. С. 245.
52. Малюгина Т. С. Могильник Пр. плодный Лог 1 // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1982. С. 60.
53. Андроновская культура, с. 26.
54. Салников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // МИА. 1940. N 1. с. 64.

ПОСУДА КАК ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Исследования археологических культур железного века показывают, что появление на той или иной территории новых форм посуды, не связанных с внутренней эволюцией ее производства, обусловлено приходом групп населения с иными культурными традициями.¹ Простого заимствования форм, даже при длительном контакте населения сопредельных территорий не происходит. Например, скифы, долгое время жившие рядом с греческими колониями и торговавшие с ними, не воспроизводили форм греческой керамики.² В случае мирного сосуществования пришлого и коренного населения происходят заимствования тех-или иных культурных традиций. В частности, в местном производстве посуды это выражается в подражании пришлым формам сосудов и появлении новых видов орнамента а старых формах. Естественно, имеется и обратная связь - пришлое население воспринимает элементы местной культуры. В случае же противостояния групп населения этого не происходит. Например, гунны, длительное время находившиеся на покоренной ими территории Среднего Енисея, не оставили явных следов в местных гончарных традициях: ни форма, ни орнамент гуннской посуды не были заимствованы автохтонными племенами Среднего Енисея.³ Однако Такое пребывание инокультурных групп населения на чужой территории можно проследить по керамическим материалам, используя косвенные признаки.

Посуда, следовательно, может служить довольно надежным индикатором этнических процессов, протекавших в древности.

В данной работе исследуется посуда (более 1100 сосудов целых форм), относящихся к трем археологическим культурам железного века Хакасско-Минусинской котловины, хронологически последовательно сменявших друг друга: тагарской, таштыкской, чаатас. Методика классификации посуды по ее форме, основанная на использовании отношений максимального диаметра тулова (D_{\max}) к высоте тулова (H_{01}) и высоты расположения максимального диаметра тулова (H_1) к его высоте, позволила выделить типы сосудов. На основе их встречаемости были определены этапы производства керамики. Тагарская культура: I этап - VII-VI вв. до н.

II этап - V-IV вв. до н. э., III этап - III-II вв. до н. э.; таштыкская культура: I этап - I в. до н. э. - I в. н. э., II этап - II-III вв. н. э., III этап - IV-V вв. н. э.; культура чаатас: I этап - VI-VII вв. н. э., II этап - VIII-IX вв. н. э.⁴

На основе полученных результатов был построен график поэтапного количественного распределения посуды по ее видам (табл. 1) и выявлены внутренние закономерности эволюции производства. На графике четко прослеживается количественный скачок баночных сосудов тагарской культуры на II этапе, устойчивое падение их числа вплоть до III этапа таштыкской культуры, прекращение их производства в конце III этапа. Наибольший объем производства горшков в тагарской культуре смещается на I этапе, на последующих этапах он постепенно сокращается, достигая минимума на I этапе, на последующих этапах он постепенно окращается, достигая минимума таштыкской культуры. Начиная со II этапа, наблюдается устойчивый рост данного вида посуды вплоть до последнего этапа культуры чаатас. На II этапе тагарской культуры появляются кубки на поддоне с относительно стабильным объемом производства до I этапа таштыкской культуры, на последующем этапе их производство резко окращается, в более позднее время они встречаются крайне редко. Для III этапа таштыкской культуры характерно появление боюбовидных сосудов, постепенное увеличение их количества на последующих этапах и полное исчезновение в культуре чаатас. В культуре чаатас появляется новая форма посуды - «кыргызские» вазы, объем производства которых увеличивается на II этапе.

Анализ количественной динамики показывает, что в формировании указанных культур основная роль принадлежит местному населению, поскольку изменения в производстве посуды в одной культуре получают свое дальнейшее развитие в другой без каких-либо колебаний на стыках культур. Однако это не означает самоизоляцию местного населения и не отрицает возможности появления на территории Среднего Енисея новых групп населения или миграции автохтонных жителей за пределы их территории.

На графике видно, что в каждой культуре возникает новая форма посуды, занимающая в общей массе небольшой объем. Как уже было отмечено, на II этапе тагарской культуры появляются кубки на поддоне, но этот вид керамики еще не свидетельствует о приходе какой-то группы иногороднего населения, поскольку имеются основания говорить о местном происхождении этой формы сосудов (подражание бронзовым котлам на поддоне).⁵ Кроме них при анализе тагарской посуды была выявлена небольшая группа керамики (1,5 % от общего количества), которая не

типична для тагарской культуры и тождественна уюкской посуде.⁶ Это плоскодонные сосуды с шаровидным туловом и высоким вертикальным или слегка наклоненным внутрь или наружу горлом. Некоторые сосуды в основании горла имеют напелной валик. Взаимостречаемость этих сосудов с другими типами тагарской посуды позволяет датировать эту группу V-IV вв. до н. э. Аналогичные сосуды были раскопаны А. Д. Грачом на могильнике Саглы-Бажы II а также датированы V-IV вв. до н. э. Сходство результатов повышает достоверность датировки этой посуды на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Можно говорить о том, что уже в V-IV вв. до н. э. из Центральной Азии на Средний Енисей проникли небольшие группы уюкцев⁷. По-видимому, с ними связано появление напелного орнамента, характерного для уюкских сосудов, на типично тагарских формах посуды. Этот орнамент, редкий в V-IV вв. до н. э., довольно широко распространяется в III-II вв. до н. э. Динамика распространения орнамента позволяет говорить о том, что уюкцы пришли в Хакасско-Минусинскую котловину не ранее IV в. до н. э. В отличие от орнамента, формы уюкской посуды не были восприняты тагарским населением и не получили распространения. Вероятно, уюкцы оказали влияние и на другие стороны жизни тагарцев. Анализ формы и орнамента посуды показывает отсутствие какого-либо иного притока населения в тагарскую эпоху.

Ранее отмечалось, что проникновение гуннов на Средний Енисей на рубеже III-II вв. до н. э. и их пребывание здесь, известное по письменным и археологическим памятникам, не нашло отражения в местных гончарных традициях. Однако, закономерности эволюции производства посуды позволяют зафиксировать появление завоевателей на этой территории. График соотношения орнаментированных сосудов и неорнаментированных (табл. 2) показывает высокий процент орнаментированных сосудов в общей массе посуды на первых двух этапах тагарской культуры и резкий упадок орнаментированности всех видов посуды на III этапе. В таштыкской культуре наблюдается резкий рост числа орнаментированных сосудов. Учитывая стабильность видового состава посуды на последних этапах тагарской культуры и высокий процент орнаментированных сосудов в тагарской и таштыкской культурах в целом, падение орнаментированности в III-II вв. до н. э. можно объяснить именно завоеванием территории Хакасско-Минусинской котловины гуннами.

Теперь рассмотрим миграции автохтонного населения в тагарскую эпоху. К северу от Хакасско-Минусинской котловины в зоне лесостепи сложилась

лась лесостепная тагарская культура, родственная тагарской. Время ее возникновения в литературе определяется неоднозначно. А. И. Мартынов считает, что она появилась в VI в. до н. э., а Л. Р. Кызласов - в начале II в. до н. э. в связи с нашествием гуннов.⁸ С. В. Киселев предполагал, что расселение в лесостепи связано с колонизацией новых земель, а не со вторжением гуннов.⁹ Несмотря на эти разногласия, исследователи едины в том, что лесостепная тагарская культура возникла в связи с приходом в лесостепь тагарских племен. Следовательно, в лесостепи должна быть посуда тагарских типов, относящихся к периоду переселения сюда тагарцев. В результате контакта с местными племенами должны были появиться и новые типы посуды. Анализ лесостепной тагарской посуды подтверждает предположение о наличии собственно тагарских форм и пропорций сосудов. Сопоставление с тагарской посудой (табл. 3, 4) показывает, что самая ранняя лесостепная посуда (времени переселения) относится ко II этапу тагарской культуры (V-IV вв. до н. э.) и составляет меньшую часть. Основная масса посуды относится к III-I вв. до н. э. Очевидно, было две волны тагарского переселения: V-IV вв. до н. э. и III-II вв. до н. э. если была бы только одна волна переселения (ранняя) то отсутствовала бы тагарская посуда следующего этапа. На две волны переселения указывает и А. И. Мартынов, датируя раннюю VI в. до н. э.¹⁰ Переселение тагарцев в лесостепь, которое позволяет выявить посуда, объясняется двумя причинами. В V-IV вв. до н. э. наступил расцвет тагарской культуры, плотность населения в Хакасско-Минусинской котловине резко возросла. Это подтверждается и материалами археологических разведок, которые свидетельствуют о принадлежности огромного числа памятников к этому периоду.¹¹ В связи с ростом населения возникла потребность в освоении новых земель в лесостепи. Колонизация лесостепи, как показывает керамика (табл. 3, 4), в этот период не отличалась особой массивностью. Очевидно, такой она оставалась и в III в. до н. э., хотя, судя по посуде, отток населения в лесостепь в это время увеличился. Вторая волна переселения носила иной характер. Она была более мощной и стремительной. Об этом свидетельствует уменьшение числа тагарских памятников III этапа на территории Хакасско-Минусинской котловины и увеличение их в лесостепи. Соответственно этому в лесостепи возросло количество тагарской керамики. Перемещение тагарских племен в это время на север было вызвано завоеванием территории Хакасско-Минусинской котловины и разгромом тагарского союза гуннами в 201 г. до н. э. Таким образом, можно говорить о том, что посуда лесостепной тагарской культуры идентична тагарской на большом временном отрезке. В

лесостепной зоне к концу существования тагарской культуры появляются новые элементы в посуде, воспринятые от местного населения.

В литературе распространено мнение, что в конце тагарской эпохи на территории Хакасско-Минусинской котловины из Центральной Азии под натиском гуннов проникает значительная масса тюркоязычных гянь-гуней (кыргызов), которые оказали решающее влияние на формирование таштыкской культуры.¹² Однако говорить о приходе значительной группы центральноазиатского населения нельзя. Поскольку здесь найдены единичные сосуды центральноазиатских типов.¹³ Кроме того, сравнительный анализ полигонов распределения пропорций сосудов, по которым сопоставляется посуда одинакового вида из Хакасско-Минусинской котловины и из Центральной Азии, показывает несовпадение пропорций. Имеются и резкие различия в количественном соотношении видов керамики. И в конце тагарской эпохи для Центральной Азии характерно преобладание горшков, а для Среднего Енисея - банок. Каждая культурно-историческая область, следовательно имеет свои закономерности в эволюции производства посуды. В случае же прихода большой массы инокультурного населения, можно было бы ожидать резкого изменения динамики эволюции отдельных видов посуды, но этого не наблюдается.

Существенное влияние на формирование таштыкской культуры, судя по посуде, оказало население лесостепной тагарской культуры. В таштыкской культуре появляется новая форма посуды - бомбовидные сосуды, известные по лесостепной тагарской культуре.¹⁴ Связи с лесостепью прослеживаются и в декоре посуды. Для таштыкской культуры характерно наличие массивных боковых ручек - налепов, неизвестных в предшествующую эпоху. В лесостепной зоне подобные ручки имеют так называемые «рогатые» сосуды.¹⁵ Кроме того, в таштыкскую эпоху на сосудах различных видов появляются носики-сливы, опять же характерные для лесостепной тагарской посуды. Имеется сходство в некоторых видах орнамента. Вероятно, возрастание орнаментированности сосудов в таштыкскую эпоху, по сравнению с тагарской, также связано с приходом населения из лесостепи. А. И. Мартынов отмечает, что во II-I вв. до н. э. в лесостепи орнаментация посуды достигает небывалых размеров.¹⁶ Поскольку лесостепная тагарская культура родственна тагарской, то и производство посуды этих культур имеет сходство. Поэтому приход населения из лесостепи не оказал большого влияния на изменение хода эволюции производства керамики.

В. П. Алексеев, проводивший антропологическое исследование таштыкс-

ких погребений, указывает, что центральноазиатская примесь среди населения таштыкской культуры очень мала, а вот приток населения из таежной зоны был более значительным, оказавшим влияние на таштыкскую культуру.¹⁷ Эти данные подтверждают, что в формировании таштыкской культуры в большей степени участвовало пришлое население с севера, чем с юга. Однако основная роль в становлении культуры принадлежала местному населению, о чем свидетельствует динамика производства посуды, и что подтверждается традициями металлургического ремесла.¹⁸

Изменения в производстве посуды культуры чаатас объясняются причинами внутреннего характера.¹⁹

Таким образом, посуда, как источник по этническим процессам железного века Хакасско-Минусинской котловины, является высокоинформативной. Она позволила выявить появление инокультурного населения, характер взаимоотношений пришлого и местного народов, степень воздействия переселенцев на автохтонную культуру и датировать эти процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Например: Абрамова М. П. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра // Памятники скифосарматской культуры. МИА. 1962. N 115. С. 277.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XII вв. М., 1982. Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму // МИА. 1971. N 177. С. 139.

2 Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре // МИА. 1954. N 36. С. 74. Шульц П. Н. Указ. соч. С. 139.

3 Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) - памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. С. 42.

4 Мартынов С. В. Хронология и периодизация типов посуды железного века Среднего Енисея // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 51-60.

5 Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 92-109.

6 Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от неолита до IX в.). М., 1979.

7 Грач А.Д. Древние кочевники в центр. Азии. М., 1980. С. 30-32, 175.

8 Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск. 1979. С. 15, 74-77.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 162.

9 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 287.

10 Мартынов А. И. Указ. соч. С. 151-153.

11 Вадецкая Э.В. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 79.

12 Киселев С. В. Древняя история... С. 560-561. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха... С. 161-166. Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 19084. С. 16-22.

13 Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха... С. 50.

14 Мартынов А. И. Указ. соч. С. 172, 186.

15 Там же. С. 174-190.

16 Там же. С. 130.

17 Алексеев В. П. К происхождению таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 223-227. Алексеев В. П. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 118-119.

18 Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: эпоха железа. Новосибирск, 1979. С. 78.

19 Кызласов Л. Р., Мартынов С. В. Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI-IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 183-210.

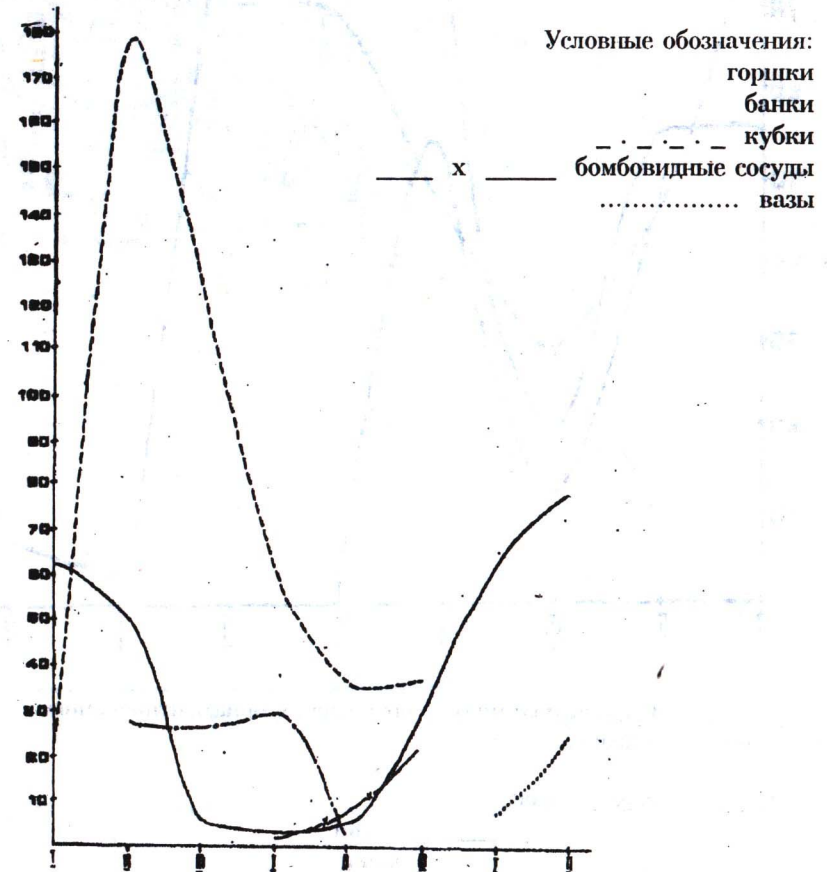

Таблица I. График количественного распределения сосудов различных видов по этапам археологических культур.

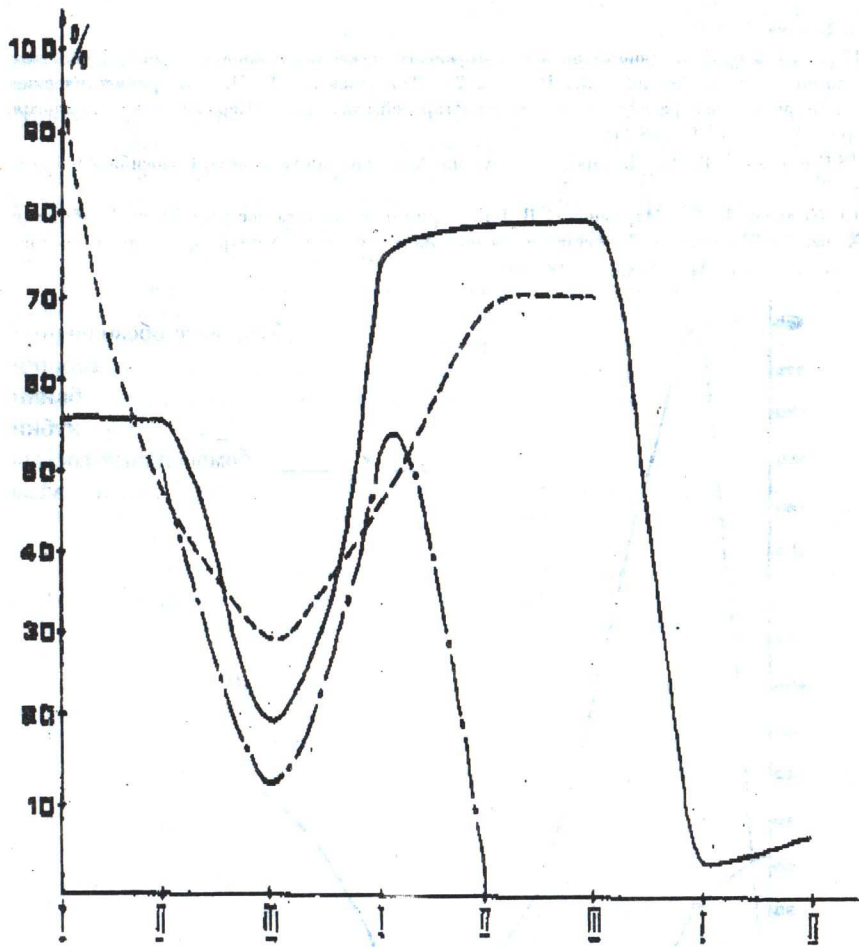

Таблица 2. График поэтапного соотношения орнаментированных сосудов к неорнаментированным.

Условные обозначения:

- горшки
- - - банки
- · - кубки
- x — бомбовидные сосуды
- · · · · вазы

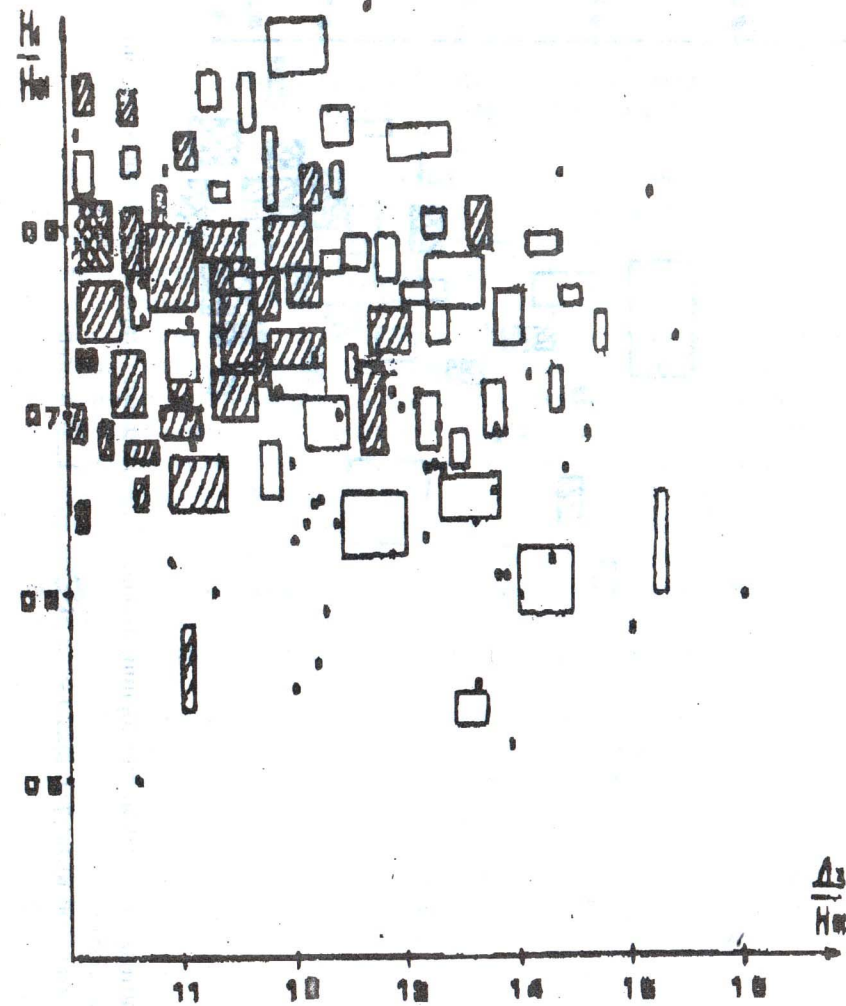

Таблица 3. Сравнительный график пропорций банок лесостепной тагарской культуры с типами банок тагарской культуры.

Границы типов банок тагарской культуры:

- I этап
- II этап
- III этап

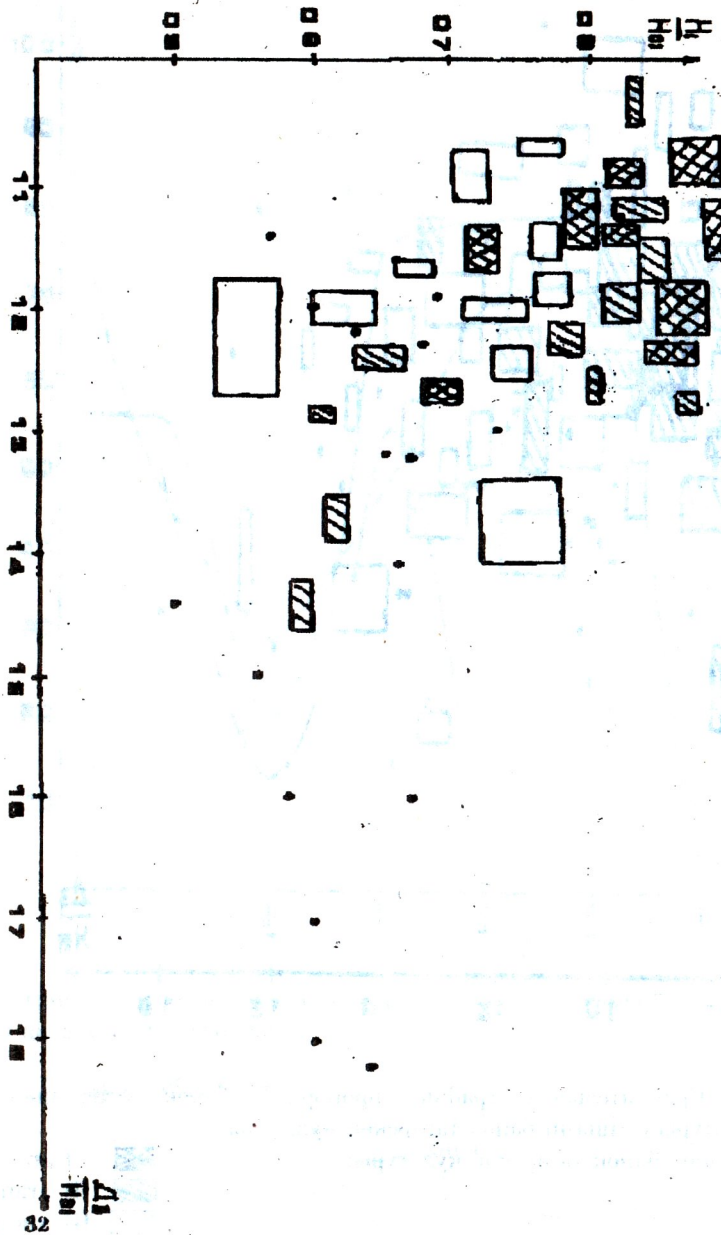

Таблица 4. Сравнительный график пропорций горшков лесостепной тагарской культуры с типами горшков тагарской культуры.

Границы типов тагарской культуры: I этап, II этап, III этап